

Медведик Ирина Семеновна

АНГЛО-РОССИЙСКИЙ КОНФЛИКТ В ПЕРСИИ И ОБРАЗ СОПЕРНИКА ГЛАЗАМИ БРИТАНСКОГО ПОСЛА В РОССИИ Ч. ГАРДИНГА (НАЧАЛО XX В.)

Проблема восприятия международного конфликта его участниками рассматривается на конкретном историческом материале. Анализируется позиция британского дипломата Ч. Гардинга: оценки англо-российского конфликта в Персии, пути его разрешения, отношение к противоположной стороне. Затрагивается вопрос о влиянии дипломатов на разработку и реализацию внешнеполитического курса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2009/3/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 3 (4). С. 116-120. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2009/3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список использованной литературы и источников

- Антоян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Издательство «Щит-М», 1998.
- Антоян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 366 с.
- Белокуров Г. И. Мотивационная направленность личности террориста // Юридическая психология. 2008. № 2.
- Васильев В. Л. Юридическая психология. СПб.: Питер, 2004. 655 с.
- Лебедев И. В. Характеристика личности осужденного за терроризм // Человек, преступление и наказание. 2005. № 3 (51).
- Лукичев О. В., Шарая О. С. Международный терроризм (историко-правовой и криминологический анализ) / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. 272 с.

THE MOTIVATION OF TERRORIST ACTIVITY: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS**Matchanova Zoya Sharifovna**

*Department of International Law
Russian State Pedagogical University
matchanova-zoya@mail.ru*

Abstract. In the article the problem of revealing the motivation of terrorist activity by means of the generalization of various views concerning this problem in criminological science is analyzed. Criminological studying of a terrorist person and his/her motivations is supplemented with the data which are introduced by the experts in the field of psychology. In the article the problem of the aggression formation of a suicide terrorist is mentioned.

Key words and phrases: terrorist personality; suicide terrorist; motivation of "terrorist" behaviour; sources of motives; terrorist outlook; individual motivational complex.

АНГЛО–РОССИЙСКИЙ КОНФЛИКТ В ПЕРСИИ И ОБРАЗ СОПЕРНИКА ГЛАЗАМИ БРИТАНСКОГО ПОСЛА В РОССИИ Ч. ГАРДИНГА (НАЧАЛО XX В.)**Медведик Ирина Семеновна**

*Кафедра истории зарубежных стран
Астраханский государственный университет
imedvedik55@mail.ru*

Аннотация. Проблема восприятия международного конфликта его участниками рассматривается на конкретном историческом материале. Анализируется позиция британского дипломата Ч. Гардинга: оценки англо-русского конфликта в Персии, пути его разрешения, отношение к противоположной стороне. Затрагивается вопрос о влиянии дипломатов на разработку и реализацию внешнеполитического курса.

Ключевые слова и фразы: англо–русские отношения; конфликт; Россия; Персия; восприятие; дипломат.

На протяжении всего XIX в. Британия была геополитическим противником России в разных регионах мира, в том числе и в особой степени в Азии. Столкновение интересов обеих держав происходило на Дальнем, Среднем, Ближнем Востоке, касалось Константинополя и Проливов. Одним из центров противоречий была Персия. Выгодное географическое положение этой страны на пути в Индию, Персидский залив, Среднюю Азию, Кавказ определяли ее значимость в борьбе за влияние в регионе. Здесь переплетались экономические, политические, стратегические проблемы. Противоборство приняло настолько острый характер, что компромиссы казались невозможными.

Ситуация изменилась в начале XX в. Великобритания столкнулась с сильнейшими вызовами на международной арене, вынуждена была отказаться от роли мирового арбитра и пойти на стратегическое сближение с Россией. Положение России на международной арене также подверглось трансформации в связи с поражением в русско-японской войне и революцией 1905-1907 гг. Все крепнущее стремление оказаться в одном блоке заставило державы преодолевать противоречия и решать спорные вопросы. Одним из них было противоборство в Персии.

Отношения России и Великобритании в связи с Персией можно охарактеризовать как международный конфликт. При этом имеется в виду, что «международный конфликт – это относительно открытое для восприятия взаимодействие двух или более элементов системы международных отношений, которые преследуют взаимоисключающие или взаимонесовместимые цели» [Введение в теорию международных отношений, с. 179]. Значимость этого конфликта определяется его местом в ряду англо-русских противоречий, а

также трудностью для урегулирования. Последнее обстоятельство было связано, наряду с другими факторами, с особенностями его восприятия различными кругами в обеих соперничающих странах и борьбой мнений. События в самой Персии и интересы «третьих» держав, в первую очередь Германии, осложнили ситуацию. Полного разрешения конфликта не удалось добиться даже к началу Первой мировой войны. При этом от достижения компромисса в персидском вопросе во многом зависело сплочение Англии и России перед лицом врага.

Дипломатическая история (или история международных отношений) является традиционным направлением исторических исследований. Использование новых подходов – разработок конфликтологии и теории международных отношений – при изучении международной политики прошлых веков может оказаться весьма полезным, даст возможность уточнить сущность конфликта, объяснить путь его урегулирования, вписать его в общую картину эволюции международных отношений.

В наше нестабильное время, когда меняется характер системы международных отношений, обостряются локальные конфликты, происходят многочисленные международные кризисы, изучение этих феноменов международной жизни приобретает особую значимость. Обращение к историческому опыту предвоенных лет конца XIX – начала XX вв., когда происходила трансформация системы международных отношений, представляется весьма актуальным.

В последнее время при изучении международных отношений и, в частности, межгосударственных конфликтов большое внимание уделяется субъективному фактору. В исследованиях такого рода акцент делается на анализе мироощущения лиц, принимающих решения, на изучении «воображаемых миров» (“mental maps”), существовавших в сознании политиков и государственных деятелей [Сергеев; Neilson, p. 521–522].

Перцепция, т.е. восприятие участниками конфликта друг друга, среды конфликта, характера угрозы и т.д., является важной составляющей понимания конфликта. Воссоздание образов противной стороны, выяснение характера знаний о сопернике, изучение механизмов принятия решений способствуют пониманию того, как сложно вырабатывались внешнеполитические действия. От перцепции или мисперцепции (неверного, искаженного восприятия) зависят многие характеристики конфликта: степень его интенсивности, возможность его трансформации, урегулирования и т.п. Выявление специфики восприятия международной жизни и ее участников конкретными лицами, влияющими на принятие внешнеполитических решений, анализ осознания ими внешнеполитической среды способствует более глубокому пониманию исторического прошлого и осмыслению современного состояния международных отношений.

Ход событий англо-русского конфликта в Персии, этот важный, так называемый «верхний пласт» исследуемого вопроса, детально рассмотрен в отечественной и зарубежной историографии. В данной работе ставится задача сконцентрировать внимание на восприятии англо-русского конфликта в Персии и соперника Ч. Гардингом, британским послом в России в 1904–1906 гг. С учетом того, что Гардинг, покинув Россию, занял пост заместителя министра иностранных дел, анализ его позиции представляет особый интерес. Таким образом, в данном исследовании делается попытка расширить круг лиц, причастных к формированию внешнеполитического курса, и глубже понять сущность процессов, разворачивающихся на международной арене в начале XX в.

Британские дипломаты представляли собой особый слой, тесно связанный с правящей элитой и оказывающий определенное влияние на ход событий на международной арене. Они были важнейшим источником информации о странах пребывания. От них в основном зависело воплощение внешнеполитических разработок. Их объединяло многое: происхождение, образование и т.д. Но личный опыт, жизненные обстоятельства, степень широты мировоззрения, политические пристрастия и другие факторы, разные в каждом индивидуальном случае, определяли различия в их восприятии международной жизни.

Ч. Гардинг прибыл в Россию в качестве британского посла в 1904 г. Несмотря на молодой для этой должности возраст (45 лет), он обладал большим дипломатическим опытом. На его счету, в том числе, была работа в британских представительствах в Персии в 1896–1898 гг. и в Санкт-Петербурге в 1898–1903 гг.

Работа в Персии способствовала пониманию дипломатом сущности англо-русского конфликта в этом регионе. Он проявлял инициативу и принимал нестандартные решения при разрешении локальных инцидентов, заслужив похвалу лорда Солсбери, министра иностранных дел в то время [British documents on foreign affairs, p. 417; Hardinge, p. 64]. Однако какого-либо плана по разрешению конфликта в целом у него, по-видимому, еще не было. Позднее, обдумывая положение Англии на международной арене, Гардинг пришел к выводу о значимости германской угрозы и потребности в создании противовеса в виде сближения с Россией [Steiner, p. 94]. План по разрешению англо-русского конфликта в Персии сложился как элемент проекта такого сближения.

Условия жизни и работы в России казались дипломату довольно тяжелыми. «Климат показался мне ужасающим, – писал Гардинг, – со снегом большую часть года и лишь одним по-настоящему теплым месяцем» [Hardinge, p. 69]. Не лучше была и политическая атмосфера. Все годы пребывания Гардинга в России (и в первый, и во второй приезд) ее можно было назвать, по его словам, «какой угодно, но только не приятной» [Ibid., p. 70]. Это было связано с внешнеполитическими событиями тех лет – англо-бурской и русско-японской войнами, проявлявшими и усугублявшими неприязнь между двумя державами.

Гардинг осознавал, насколько высок уровень англофобии в России: «Я никогда не обманывал себя и не скрывал от самого себя тот факт, что военные и чиновники ненавидят нас», – признавался он [Ibid., p. 70]. Но и его удивил резкий всплеск недружелюбия. Уверенность в том, что императорская семья и высшее об-

щество благосклонно расположены к Англии, была поколеблена. «После начала англо–бурской войны враждебность российской прессы и российского общества по отношению к Англии была поистине феноменальной. Я не видел никогда ничего подобного. Казалось, что все классы сожалели о наших успехах, приуменьшали их и радовались нашим поражениям» – отмечал он [Ibid., p. 74]. Жалобы правительству и просьбы умерить агрессивный тон прессы имели своим следствием лишь заявления, что пресса контролируется только при освещении внутренних дел, а в международной сфере ей предоставляется свобода действий. Гардинг сетовал, что в то же время русские коллеги жаловались ему на негативные отзывы о политике России в британских газетах [Ibid., p. 76].

После окончания войны враждебность не исчезла. Дипломат констатировал: «В связи с окончанием войны главным чувством среди образованной публики, несомненно, было разочарование, что Англия не была уничтожена, и это еще более подчеркивалось осознанием политических кругов, что Англия не только освободила руки, заключив мир, но и что британский престиж по всему миру неизмеримо возрос» [Ibid., p. 80]. Неприязнь, по словам Гардинга, проявилась, например, в том, что никто в Санкт–Петербурге не поинтересовался состоянием здоровья Эдуарда VII, когда из–за тяжелой болезни была отложена его коронация [Ibid., p. 76].

В последующие годы, во время русско–японской войны, положение англичан как представителей страны – союзницы противника оставалось в России, как писал Гардинг, «не простым» [Ibid., p. 100]. Потеплению отношений не способствовали и такие события как гульский инцидент, попытки заключения русско–германского договора в 1904–1905 гг., недружественные высказывания британских государственных мужей и политиков [Хвостов, с. 550–625; Hardinge, p. 100–120]. В таких условиях формировалась позиция дипломата по вопросу взаимоотношений между британской и российской державами, в том числе и по персидской проблеме.

Российская внешняя политика, по твердому убеждению Гардинга, была амбициозной и агрессивной. Единственным надежным тормозом этой политике со времен Крымской войны, полагал он, служила Великобритания. Для этого она вела постоянную борьбу в Турции, Персии, Китае. Однако на рубеже XIX–XX вв. Великобритания оказалась в тяжелом положении: недостаток военных ресурсов осложнила война на юге Африки. Работа в Персии и России в конце XIX – начале XX вв. привела дипломата к заключению, что Великобритания в Центральной Азии практически беззащитна перед лицом враждебно настроенной России [Hardinge, p. 70–80]. «Чтобы противостоять агрессивной политике России, – констатировал Гардинг, – в распоряжении Англии был только флот для поддержания status quo на море и дипломатия для действий на суше» [Ibid., p. 70–72].

По мнению дипломата наибольшей напряженности англо–российские отношения достигли в Персии. Российская политика в этой стране представлялась Гардингу совершенно ясной. Ее цель – политическое и экономическое доминирование на севере Персии и продвижение в южном направлении для приобретения порта в Персидском заливе и соединения его с российскими железнодорожными линиями. «Для русских Персия лишь ворота, через которые она хотела пройти, чтобы обрести ключ от двери в Персидском заливе, принадлежащей нам», – заявлял дипломат. Но при этом и в Персии Россия «желала получить все» [Ibid., p. 70–72]. Серьезной он считал и угрозу безопасности Индии [British documents on the origins of the war, p. 53, 117].

Несмотря на атмосферу враждебности, а, скорее всего, вследствие этого обстоятельства, именно в годы пребывания Гардинга в Санкт–Петербурге у него сформировалась идея об англо–российском сближении. В своих мемуарах он писал, что покидал Петербург в 1903 г. с чувством «абсолютной необходимости придти к соглашению с Россией по вопросам конфликта в Азии между нашими двумя странами». Иного выхода не было. Дипломат писал: «...мы все время теряли почву под ногами, ... источником постоянного раздражения для меня было осознание униженного положения нашего посольства перед лицом враждебности, открыто проявляемой к Англии российским правительством, военными и чиновничьими кругами, и понимание нашей слабости и невозможности ответить как–либо» [Hardinge, p. 84]. Неустойчивость англо–российских отношений диктовала потребность в большей определенности. Это дало бы свободу для дипломатических маневров и позволило бы уменьшить бремя поддержания Индии в постоянной готовности отразить российскую угрозу. Гардинг считал, что международная ситуация и положение Англии (недостаток военных ресурсов, в частности) «делали агрессию в Азии легкой для России». Он не видел возможности для британской наступательной политики в Персии. В распоряжении британской стороны, по мнению Гардинга, была только дипломатия [Ibid., p. 70–72, 84].

В обстановке, как казалось, непримиримой вражды надежд на успешное решение проблемы почти не было: «Я понимал, как невозможно было в то время начать переговоры с перспективой хоть какого–то успеха, кроме как на условиях, которые бы означали полную капитуляцию и полное прекращение для нас политики в Азии» [Ibid., p. 70–72]. Тем не менее, покидая Россию в 1903 г., Гардинг собирался на новом посту в Форин Оффис всецело посвятить себя разработке и обоснованию проекта англо–российского соглашения.

Приезд Гардинга в Санкт–Петербург в мае 1904 г. в качестве британского посла должен был служить знаком мирных намерений и желания британской стороны более дружеских отношений. По свидетельству дипломата именно так он и был воспринят [Ibid., p. 101]. Путь к англо–российскому сближению открыла англо–французская Антанта. Гардинг был убежден, что наиболее легкий способ достичь взаимопонимания с Россией – сначала придти к соглашению с ее союзницей. «Лояльность нашего правительства к Франции во

время Марокканского кризиса ... была следствием англо-французского соглашения 1904 г., – утверждал дипломат, – и это послужило полезным уроком, который произвел значительный эффект» [Ibid., p. 97, 119]. Поражение России в русско-японской войне завершило формирование необходимой для англо-русского сближения конфигурации международных отношений.

Следующим после англо-французской Антанты шагом к сближению с Россией по плану Гардинга было подписание второго англо-японского союзного договора. Дипломат указывал, что это «наилучший и наиболее надежный путь придти к соглашению с Россией», так как он послужит «барьером для российских антибританских агрессивных планов в Азии» [Ibid., p. 115]. Гардинг опасался, что Россия, проиграв войну с Японией, предпримет попытку взять реванш, нанеся удар по безопасности Индии. Гардинг с удовлетворением констатировал, что подписание англо-японского договора было воспринято в России нужным образом: одна из российских газет с сожалением констатировала: «Дамоклов меч больше не угрожает британской Индии» [Ibid., p. 116]. «Глава российской агрессии в Азии закрыта» – заключил Гардинг [Ibid.].

Помимо изменений на международной арене питательной средой для оптимизма Гардинга относительно возможности договоренностей с Россией по среднеазиатским вопросам служило то мнение о сопернике, которое он составил, находясь в России. Работа в посольстве дала дипломату бесценный опыт общения с российскими внешнеполитическими деятелями.

В течение первого года работы в Санкт-Петербурге Гардингу выпало взаимодействовать с министром иностранных дел М. Н. Муравьевым. Они были в дружеских отношениях. Гардинг считал министра приятным человеком, хорошо говорившим по-английски, но плохим специалистом, беспредельно неискренним и настоящим англофобом. Его политика «уколов и враждебности» по отношению к Англии была чревата серьезными трениями [Ibid., p. 69–70].

В. Н. Ламздорф, сменивший Муравьева, сначала показался дипломату недружелюбно настроенным по отношению к Англии. По мнению Гардинга, это объяснялось страхом министра перед так называемой военной партией в российских придворных кругах. В своих мемуарах Гардинг описывает министра как довольно странного человека, очень маленького роста, в туфлях на высоких каблуках, очень бледного и практически лысого. «Как и все русские, – замечает дипломат, – он был увертливым, скользким в делах, но всегда учтывым, и он знал свое дело». Гардинг отмечает, что Ламздорф не предпринимал недружественных действий по отношению к Англии, а позже «стал другом, на которого можно было положиться в мирном решении всех вопросов» [Ibid., p. 73–74, 76].

Гардинг полагал, что выдающейся фигурой в российском правительстве в то время был министр финансов С. Ю. Витте: «Он был сильным, умным и беспринципным человеком с большими амбициями. Его манеры оставляли желать лучшего, но его взгляды были ясными и четкими, ... Витте был озабочен российскими финансами и решительно выступал за мирную политику» [Ibid., p. 76]. Такая позиция открывала путь для поисков взаимопонимания.

В процессе сближения Гардинг возлагал основные надежды на императора Николая II, которого воспринимал как истинного англичанина по духу и горячего сторонника мира и дружбы между российской и британской державами. Он писал: «Император, если бы он был англичанином, был бы прекрасным примером английского джентльмена, а императрица, слегка застенчивая и скованная, любила Англию и была типичной англичанкой по своим вкусам. Языком, используемым в императорском семейном кругу, всегда был английский» [Ibid., p. 83]. По мнению дипломата именно под влиянием императора и его искреннего желания мира Ламздорф стал сторонником российско-британской дружбы. Император и его супруга, по словам дипломата, были единственными, кто не участвовал в выражении ненависти к Англии в годы невиданного всплеска англофобии [Ibid., p. 74].

Гардинг с восторгом вспоминал аудиенции в императорском дворце, теплый прием и дружеские беседы с царем. Во время одной из них после гульского инцидента глаза Николая II «наполнились слезами, и он сказал, что никогда не допустил бы войны между Англией и Россией» [Ibid., p. 109–110]. Неизвестно, насколько искренней была вера Гардинга в дружеские чувства царя, но даже после попыток заключения российско-германского союза он попытался оправдать российского монарха: «... действительно верил, что император никогда не понимал истинного значения предлагаемого ему договора» [Ibid., p. 118].

В материалах Гардинга нет абстрактных рассуждений о характере русского народа, общих оценок России как соперника и партнера. Описывая людей, с которыми ему приходилось взаимодействовать, он часто использует формулировки «как все они», «как и все русские». На этой основе можно воссоздать облик партнера по дипломатическому взаимодействию, существовавший в восприятии дипломата и определявший его действия. Противная сторона виделась ему сложной и неоднозначной, часто непредсказуемой, не всегда искренней. Но среди ее представителей были люди, с которыми можно было иметь дело.

Гардинг не без оснований полагал, что его работа в Санкт-Петербурге во многом способствовала сближению двух стран. «В момент, когда я покидал Россию, – писал он, – острая враждебность к Англии в пресесе исчезла, ... у меня было чувство удовлетворения оттого, что все признали значительное улучшение отношений по сравнению с тем временем, когда я приехал в страну» [Ibid., p. 119].

Итак, Гардинг был одним из тех, кто в начале XX в. сформулировал идею о необходимости англо-русского соглашения по средневосточным вопросам. Обдумывая положение Англии на международной арене, Гардинг пришел к выводу о значимости германской угрозы и потребности в создании противовеса в виде сближения с Россией. Работа в Персии и России дала ему необходимый опыт для разработки плана та-

кого сближения. Он воочию видел масштабы российской экспансии в Персии, отрицал продуктивность британской наступательной политики и признавал возможным определение сфер влияния в этой стране. С точки зрения Гардинга, разрешение англо–русского конфликта в Персии путем соглашения создавало атмосферу определенности в среднеазиатском регионе, обеспечивало безопасность Индии и давало Англии свободу действий. Оно полностью меняло характер отношений между двумя великими державами и вело к формированию нового соотношения сил на международной арене.

Список использованной литературы и источников

- Введение в теорию международных отношений*: учебное пособие / отв. ред. А. С. Манькин. М.: Изд-во МГУ, 2001.
- Сергеев Е. Ю.* Иная земля, иное небо...: Запад и военная элита России (1900– 914 гг.). М.: Ин–т всеобщей истории РАН, 2001. 282 с.
- Хвостов В. М.* История дипломатии. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 2. 820 с.
- British documents on foreign affairs: rep. and papers from the Foreign office confidential print* / gen. ed. Kenneth Bourne and D. Cameron Watt. Univ. publ. of America, Cop. 1983. Vol. 1-6. Vol. 2. XIX. Pt. 1. From the mid-nineteenth century to the First World War. Ser. A. Russia, 1859-1914 / ed. Dominic Lieven. 425 p.
- British documents on the origins of the war. 1898-1914* / ed. by G. P. Gooch, H. Temperley. L.: H. M. Stat. off., 1927-1929. Vol. 1-10. LXIX. 886 p.
- Hardinge Ch.* Old diplomacy. The reminiscences of Lord Hardinge of Penshurst. L.: Murray, 1947. 288 p.
- Neilson K.* “My beloved Russians”: Sir A. Nicolson and Russia, 1906-1916 // *The international history review*. Vol. IX. № 4. November. 1987. P. 521-554.
- Steiner Z.* The foreign office and foreign policy. 1899-1914. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1969. XII. 262 p.

ANGLO-RUSSIAN CONFLICT IN PERSIA AND THE IMAGE OF RIVAL FROM CH. GARDINGE’S (BRITISH AMBASSADOR IN RUSSIA) POINT OF VIEW (THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY)

Medvedik Irina Semyonovna

*Foreign History Department, Astrakhan State University
imedvedik55@mail.ru*

Abstract. The problem of the perception of international conflict by its participants is examined with the help of the concrete historical material. The position of British diplomat Ch. Gardinge is analyzed: the evaluation of Anglo-Russian conflict in Persia, the ways of its resolution and the relations with the rival. The question concerning the influence of diplomats on working out and on the implementation of foreign policy decisions is touched upon.

Key words: Anglo-Russian relations; conflict; Russia; Persia; perception; diplomat.

К ПРОБЛЕМЕ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЭКОЦЕНТРИЗМА

Мякинников Сергей Петрович

*Кафедра философии
Кузбасский государственный технический университет
mspcaph@list.ru*

Аннотация. В статье репрезентируется новый, экоориентированный тип мировоззрения в качестве альтернативного современному экофобному мировоззрению антропоцентризма. С позиции этого мировоззрения анализируются основные формы и уровни взаимоотношений между обществом, индивидом и природой. Показано, что в случае нарушения объективно обусловленных космопланетарными законами отношений людей и природы могут возникать экологические проблемы.

Ключевые слова и фразы: экокартина мира; иерархия отношений общества и природы; мировоззрение экоцентризма; аксиологические установки; онтологические и праксеологические ракурсы рассмотрения экопроблем.

Обострение глобального экокризиса в последние десятилетия убеждает многих исследователей в необходимости начать кардинальный пересмотр антропоцентристских отношений людей и природы. Оставаясь апологетом господствующего в современном обществе антиэкологического мировоззрения антропоцентризма, невозможно приостановить резко увеличивающийся разрыв между людьми и природой. При этом невозможно осуществить неизбежный в данной ситуации поиск компромиссного пути “подстраивания” общества производства, духовного и материального воспроизводства человека под структуры биосферы. Такая реструктуризация производства и экономики общества, жизни человека (как социодуховного